

— Сейчас император еще не взойшел на престол, и если слова А Янь разойдутся за пределами этого места, те, кто не в курсе, решат, будто это я собираюсь занять трон.

Вэнь Янь ничуть не испугался. С видом человека, который будто бы ничего не понял, он с улыбкой в глазах ответил:

— Это искренние слова простоголюдина из глубины души.

В глазах Жун Е мелькнул интерес. Он внимательно взгляделся в лицо Вэнь Яня. Кожа у Вэнь Яня была белой, а из-за болезненности казалась еще бледнее. Миндалевидные глаза — округлые, без резких углов, брови дугой, уголки губ приподняты в улыбке — он выглядел сущим послушным и миловидным малым.

При столь мягкой, кроткой, словно у кролика, внешности нрав у него оказался жестким. Этот скрытый огонек не бросался в глаза так ярко, как пламя костра, но обжигал не меньше, и стоило потерять бдительность, как он мог оставить на тебе тяжелый ожог.

Слегка приподняв руку, Жун Е пальцами зажал его подбородок. Поддержав лицо Вэнь Яня, он заставил его полностью открыться перед своим взором. Большой палец гладил нежную прохладную кожу, а затем внезапно резко провел по излишне бледным губам.

Вэнь Янь без всякого предупреждения почувствовал боль. Он тихо ахнул, и брови его сошлись на переносице.

— Ванье, — голос его упал, в нем послышалось нечто жалобное. — Разве этот простолюдин сказал что-то не то?

— А Янь говорит прекрасно.

Не отвечая, прав он или нет, Жун Е ограничился лишь этой похвалой. Следом он вновь усмехнулся:

— Только вот губы слишком бледные, выглядят совсем бесцветно.

От столь сильного нажима губы Вэнь Яня покраснели.

Меньше всего он ожидал услышать такое. Губы Вэнь Яня жгло словно в огне. Уголки его глаз покраснели, и он смотрел на мужчину сквозь пелену влажной дымки.

Жун Е какое-то время пристально глядел в его глаза, а затем отпустил руку.

Усевшись обратно, он сказал Вэнь Яню:

— Пусть Ши И проводит тебя в Беседку Гибискусов.

Его пощадили.

Вэнь Янь на мгновение замер, после чего с опущенной головой выразил согласие, сделал несколько шагов назад и повернулся, чтобы уйти.

На этот раз он удалялся куда быстрее, чем шел к Жун Е.

Взгляд Жун Е провожал его до самого выхода. Подушечки пальцев потерлись друг о друга, а в мыслях все еще стояли глаза Вэнь Яня и покрасневшие от прикосновения губы.

Красив. И умен.

-

Беседка Гибискусов была резиденцией княгини в Резиденции вана.

По дороге Ши И вкратце кое-что объяснил Вэнь Яню. Выслушав его, Вэнь Янь скосил взгляд на западную сторону и спросил:

— Разве ван брал наложниц?

Ши И покачал головой:

— Ван никогда не брал наложниц.

— И на границе у него никого не было?

— Не было.

Ши И добавил еще одну фразу:

— Ван никогда ни к кому не прикасался.

Раз так, то...

— Когда же ван обратил на меня внимание? — спросил он. — Я не помню, чтобы когда-либо встречался с ваном. Обладая столь блистательным нравом, ван не стерся бы из памяти после первой же встречи, однако я долго ломал голову, но так и не смог вспомнить хоть малейшего следа.

Этого он не знал, и Ши И тоже не ведал. Он произнес:

— Ночь перед оглашением воли ван написал лишь указ, не упоминая ничего другого.

Вэнь Янь нахмурился, не в силах взять в толк.

Если Ши И ничего не скрывал, то когда именно он приглянулся Жун Е? Тот его никудышный братец еще мог упомянуть о нем перед князем Сяном, но до князя Жуй ему было тянуться и тянуться.

Неужели в тот день на поэтическом собрании крылся какой-то иной умысел?

Глава 5

Вэнь Янь пока не мог сообразить, какой именно подтекст мог скрываться за поэтическим собранием.

В тот день он принял приглашение, исходившее от его знакомых. Среди собравшихся лишь три-четыре человека были ему близки, с остальными же он не был знаком, а потому не мог ничего вывести.

Теперь же, когда его свобода передвижения оказалась ограничена, проверить хоть какие-то действия стало еще труднее.

Добравшись до Беседки Гибискусов, следовавший позади У Цзю тихонько ахнул и пробормотал:

— Какой огромный двор.

Двор действительно был велик.

Государственный князь Кан оказал великие заслуги при основании династии, помог Первому императору Династии Дин взойти на престол и завоевать Поднебесную. В награду помимо золота, серебра и сокровищ он получил и эту усадьбу, чьи масштабы не уступали резиденции удельного князя.

В покоях главной жены насчитывалось целых пять комнат, а повседневная жизнь протекала в Восточной боковой комнате.

Переступив через лунный порог, обогнув экранирующую стену и пройдя по западной галерее внутрь дома, они услышали, как при отпирании дверей из ценного розового дерева наружу вырвался застарелый запах запустения — в доме долго никто не жил.

Вэнь Янь остановился перед порогом, окинув взглядом все помещение сверху донизу.

На дощечке черного лака с золотыми иероглифами значилось: «Чистота сердца подобна нефриту и орхидеям». Скользнув взглядом прямо, он увидел стоявшую на многоуровневой этажерке в главной стене нефритовую вазу с колокольчиками, а на самой нижней полке — лакированную коробочку для лекарств с золотой насечкой.

Опустив взор ниже, он заметил письменный стол из розового дерева. На нем покоился ларец с

императорскими грамотами, рядом стояла курительница для благовоний, а в углу стола помещалась уменьшенная модель небесной сферы. Следом шел ширмы из четырех створок — на нанму были натянуты набивные шелковые полотна с изображением сотни детей.

Вэнь Янь неподвижно всматривался в сценки детских забав на ширме, и даже успокоившись, все равно ощущал в груди примесь абсурдности происходящего.

С древнейших времен еще не бывало такого, чтобы ван брал в жены мужчину. Даже среди тех, кто питал склонность к однополой любви, никто не осмеливался открыто толковать о браке.

И вот его самого вот так пожаловали сюда по одной лишь бумажке с указом. Если эта свадьба состоится, неужели он до конца своих дней останется запертым в этом заднем дворе?

В груди заныло от тяжести, и Вэнь Янь снова прижался пальцами к ране на запястье, заставляя себя болью вернуться в реальность.

Силой подавив мысли, он перешагнул через порог и вошел внутрь.

У Цзю последовал за ним, положил узелок на письменный стол и развязал его. Озираясь на незнакомую планировку, он растерялся, не зная, с чего начать.

Привычные вещи Вэнь Яня всегда хранились на строго определенных местах. Теперь же, после переезда в Резиденцию вана, все переменилось, и он понятия не имел, куда теперь расставить вещи своего господина.

Заметив его замешательство, Вэнь Янь произнес:

— Письма положи у изголовья, остальное — как обычно.

— Слушаюсь.

Получив указание, У Цзю принялся бережно расставлять вещи по местам, а затем с особой осторожностью водрузил у изголовья кровати деревянный ларец.

Обернувшись, Вэнь Янь посмотрел на Ши И, который все еще не уходил:

— Есть что-то еще?

Ши И кивнул:

— Когда вы закончите с вещами, вам нужно будет пойти к вану на ужин.

Вэнь Янь изумился:

— На ужин?

Лицо его исказилось от удивления, а круглые миндалевидные глаза широко раскрылись — в этом было немало неверия.

Он еще даже не перешагнул порог этого дома как супруг, а уже должен так рано... прислуживать кому-то?

На сердце у Вэнь Яня сделалось зябко, от холода его пробрала дрожь.

Ши И не понимал причины столь бурной реакции:

— Именно на ужин. Ван отдал особый приказ.

Глядя на то, как У Цзю разбирает вещи, Ши И с удивлением отметил, что тот почти не взял теплой одежды. С хилым телом Вэнь Яня, хоть погода постепенно и теплела с наступлением весны, холод перенести было трудно.

Стоило лишь взглянуть на него — за каких-то пару мгновений лицо вновь побелело.

Подпольное отопление в резиденции отключили сразу после пробуждения насекомых, и Ши И мысленно подумал, что при столь слабым здоровье молодой господин Вэнь наверняка снова слежет с жаром на несколько дней, иначе от холода с ним точно случится какая-нибудь беда.

Вэнь Янь больше ничего не сказал. Обессиленно опустив ресницы, он стал ждать, пока У Цзю расставит мелкие вещицы.

Пара повседневных нарядов, его склянки с пилюлями, да несколько порций лекарств — вот и всё его нехитрое имущество.

У Цзю управился за несколько минут. Взглянув на бледное лицо Вэнь Яня, он с тревожным сердцем шагнул вперед и поддержал его под руку.

— Молодой господин, может, мне сначала сварить вам лекарство?

Вэнь Янь сегодня кашлял кровью слишком сильно, и слуга места себе не находил от беспокойства, боясь беды.

Вэнь Янь покачал головой:

— Ты оставайся здесь.

Положив руку на запястье поддерживавшего его У Цзю, он отстранил его и последовал за Ши И в жилые покои.

...

Жун Е обычно трапезничал в тихом кабинете с восточной стороны покоев, он же — Малая столовая.

Когда Вэнь Янь вошел, Жун Е уже сидел за столом.

Прикрыв глаза, он подпер голову рукой, опершись локтем о подлокотник кресла — вид у него был несколько сонный. Человек во всем черном, точь-в-точь как Ши И, стоял перед ним на одном колене, склонив голову, и докладывал:

— ...Глава приказа ведомства чиновников затворился в доме и не принимает посторонних посетителей, однако наружу просочились вести: он оплакивает смерть внука. Если ему и впрямь придется служить вероломным министрам и злодеям, он предпочтет насмерть расшибить лоб перед Тронным залом Цзиньлуань.

— Пусть расшибает.

Жун Е приподнял веки, прямо глядя на вошедшего Вэнь Яня, и с усмешкой произнес:

— Через три дня восходит на престол новый император. Если он и вправду не желает, пусть послужит украшением к празднику.

Ши И внутренне содрогнулся, опустил голову еще ниже и тихо откликнулся.

Жун Е взмахом руки велел ему удалиться, а затем перевел взгляд на стоявшего у входа Вэнь Яня, который не решался шагнуть внутрь:

— Чего не заходишь?

Получив разрешение, Вэнь Янь слегка опустил голову и вошел.

Он промолвил:

— Ван обсуждал государственные дела, и этот простолюдин опасался помешать.

— Пустяки, незачем так страшиться.

Жун Е указал на место рядом с собой, приглашая его присесть.

Вэнь Янь послушно опустился на стул. Он старался дышать тише. Сидя слишком близко, он вновь ощущал исходящий от Жун Е морозный аромат, свежий и прохладный, словно снег.

Уловил Жун Е и слабый запах лекарств.

По всей видимости, из-за многолетнего приема снадобий от Вэнь Яня исходил легкий травяной дух, который можно было учуять лишь вблизи. Горьковатый, но вовсе не противный.

— Губы опять такие бледные.

Его взгляд скользнул по лицу Вэнь Яня, лишенному всяких признаков крови. — Тело слишком слабо.

Вэнь Янь поджал губы и бросил на него косой взгляд.

Округлые миндалевидные глаза, этот взгляд казался исполненным упрека. Жун Е невольно усмехнулся:

— И слова тебе не скажи.

Приготовленные блюда подавали одно за другим. Поскольку стояла холодная погода, от холодных закусок отказались, и в аромате первых же поданных горячих блюд — тушеного риса с кефалью — смешивался едва уловимый лекарственный дух. Вэнь Янь немного разобрался в медицине и обладал тончайшим нюхом, а потому сразу поднял глаза.

В фарфоровой пиале плавали тончайшие нити семи видов лекарственных трав, а на дне покоилось полупрозрачное птичье гнездо — это был суп Цисюань.

Он слегка удивился, но Жун Е вовремя нарушил молчание:

— Здоровье А Янь слабо, я велел на кухне приготовить целебное блюдо, отведай, придется ли по вкусу.

После того как служанка проверила пищу серебряной спицей на яд, он протянул руку, подвинул фарфоровую пиалу поближе к руке Вэнь Яня и продолжил:

— Если понравится, будешь выпивать по пиале каждый день.

Приготовлено специально для него.

Вэнь Янь на мгновение замер, после чего тихо произнес:

— Благодарю вана.

Он зачерпнул пол-ложки — вкус оказался чуть терпким, не сказать чтобы изысканным, но от него в груди, уже целый день томимой тяжестью, стало намного легче.

Вот только, то ли оттого, что его слишком долго обдувало ветром, то ли отчего еще, но на середине трапезы горло запершило, заставив прервать движение. Поняв, что дело плохи, он отвернулся, быстро прижал к рту платок и согнулся в три погибели, заходясь в долгом кашле.

Он кашлял так истошно, что казалось, душу вытрясет наружу. Рука, упертая в край стола, побелела от напряжения, тело била мелкая дрожь, а несколько багряных брызг упали на платок и безостановочно закали на пол.

Этот режущий глаз алый цвет впечатался в зрение. Вэнь Янь с трудом выпрямился, уголки его глаз покраснели от надрывного кашля. Из последних сил сдерживаясь, чтобы не бросить и взгляда на фарфоровую пиалу, он качнулся и поднялся на ноги:

— Кхе-кхе... Этот простолудин хворает, кхе... боюсь потревожить вас болезнью, позвольте мне удалиться, кхе-кхе-кхе!

С трудом выдавив эти слова осипшим голосом, он больше не смог сдерживаться: струйка свежей крови потекла с уголка губ на платок, соскользнула на побледневшее запястье и закали на землю.

<http://bllate.org/book/27463/3336734>